

...Недели две было затишье, вернее, вялотекущие действия — перестрелки, попытки вылазок... В это время Артем часто думал: если его убьют, то мать этого не переживет, ведь он у нее один. Кроме того, с ним вместе канут в небытие все его чаяния и задумки, и, главное, он не сможет выполнить то, ради чего приехал сюда. Мучило еще, что здесь, на войне, Артем уже хорошо это понял: лишить кого-то жизни так же легко, как раздавить козявку. Потому стали приходиться не прошенные мысли о том, что, убив другого, он уничтожит и чей-то чужой клубок желаний, забот и, может быть, хороших качеств, к тому же, возможно, и чьего-то близкого друга. Эта мысль снова вызвала в сознании образ Сергея. Он сердился на себя из-за этих мыслей и предчувствий, но избавиться от них не мог. Потому Артем очень не любил находиться в карауле, куда они заступали по одному на два часа, так как было много времени для раздумий. Вот и сейчас, когда сменившийся боец скрылся, он почувствовал гнетущее одиночество. Глаза после ярко освещенного помещения не сразу привыкли к темноте. Вокруг бледный свет молодого месяца лишь обозначал контуры построек и деревьев. Вначале из их здания, находившегося на расстоянии примерно двухсот метров, еще слышались громкие разговоры, смех и редкие ругательства, но через некоторое время — все же начало первого — наступила тишина — значит, уснули. Артем залез в специально вырытый окопчик и стал вглядываться в окружающее. Вокруг все было спокойно, но чем дольше он находился в тишине, тем все более обострялся его слух. Вот он уже уловил какой-то звук. Артем вспомнил слова своего старослужащего сержанта в армии, когда он «лопоухим» новобранцем прибыл в часть и то и дело с любопытством разглядывал все кругом: «Закрой варежку! — учил тот. — Батя мой, афганец, говорил, мол, можешь не успеть даже подумать о чем-то, но перед тем, как отдать концы, обязательно пожалеешь, что не был бдительным. Сейчас хоть и мирное время, но в армии мы, чтобы готовиться к худшему...» И Артема охватил страх. Ему почудилось, что откуда-то сверху на спину неожиданно легла чья-то рука, которая затем поползла к голове и далее — по волосам до лба... Он стал напряженно

оглядываться вокруг себя в ночи, стараясь определить, откуда доносится звук. Шла минута за минутой, прошел час, но ничего не случилось. Артем начал успокаиваться, прислонился к стенке окопчика и немного расслабил мышцы ног. И, как обычно бывает после напряжения, его стал одолевать сон. Но он крепился, и не дал себя ему окутать. Так постепенно шло его привыкание к военной обстановке.

В эти дни Артем познакомился с девушкой-ополченкой из соседнего взвода, Ольгой. Светловолосая и черноглазая, она сразу запала ему в сердце, может быть и потому, что была очень похожа на его мать в молодости, какой та была на единственной в их семье ее цветной фотографии. Еще ему понравилось, хотя вначале и несколько удивило, ее отношение к войне. «Народ на Украине хороший, добрый, братский,— я была несколько раз в Полтавской области, даже уже после начала войны, у нас там родные живут,— но их политики как с ума посходили все. Что делается, а!? Людей жалко. А наши бабушки, старики и дети так привыкли к бомбежкам, что уже в подвал идут, как за продуктами, лишь в глазах — тоска и боль...»,— с горечью рассказывала она, когда они неспешно, пока позволяла обстановка, беседовали.

А вскоре началось то, ради чего Артем и приехал сюда — боевые действия. На участке отряда возобновились ожесточенные бои за аэропорт. Отряд разделили на две части — у каждой было свое задание,— и они с Ольгой попали в разные. Он не знал, что чувствовала Оля, но у него было ощущение, что она находится все время рядом.

Для Артема все теперь было непривычно — служба в армии казалась детским садом по сравнению с теперешним. Снаряды, мины и гранаты летели туда и обратно. Снаряд, как ему объяснили, летит в три раза быстрее звука, его полет не успеешь услышать, слышишь только взрыв. Мина же падает, как бомба, и, если слышен визг, летит она не в тебя, просто падай и накрывай голову руками, а если свистит, то убегай подальше, а там уж... И здесь очень нужен навык, которому не научишься нигде, кроме как в бою: после первой же мины можно определить по звуку, куда летит следующая, опасно ли оставаться на месте или лучше отскочить. Артем стал прислушиваться к каждому свисту мины и затем раздающемуся взрыву. И, действительно, оказалось, звук летящей мины зависит от направления полета. Он, кажется, на всю жизнь запомнил первый обстрел. Это было ночью. Мины летели точно на расположение отряда. Слышны были хлопки выстрелов, затем — неприятный тонкий визг, переходящий, постепенно нарастая, в вой и, становясь все грубее, заканчивающийся взрывом. Казалось, будто сама ночь разрывается на осколки, а земля охвачена какими-то гигантскими судорогами.

— А-а, чтоб им ни дна, ни покрывки этим чертовым нацикам! — разразился кто-то бранью.

Артема предупредили, что прилетают не только мины, но и много других боеприпасов. «Это плохо, так как нужно было учиться различать, а времени на это нет... Вот, например, звук «града» в полете похож на шорох, и его слышно издалека».

На следующий день наряду с хлопками минометов и гранатометов, стали бухать орудия. Земля заходила ходуном, и все вибрировало от взрывных волн. А вот протяжный очень низкий звук и сильные вибрации наполнили собой все пространство, отзываясь в каждой клеточке тела, будто кто-то невидимый накрыл землю гигантским колоколом и ударял в него, и что-то настолько сотрясло землю, что, казалось, взорвался весь мир. За прежним раздался новый нарастающий вой, услышав который, все, словно по беззвучной команде, легли. Артем тоже бросился на снег, зарываясь в него лицом, абсолютно не чувствуя холода. Взрыв раздался в ста метрах от них. Но люди не вставали, прислушиваясь к снова раздающемуся вою... Он припод-

нялся, открыл глаза и сильно сжал кулаки, почувствовав сильную боль в пальцах. «Господи, помилуй!» — пробормотал он, чего за собой раньше не замечал, ибо не был верующим. Со лба, хотя был морозец, ручейками стекал пот, а во рту было сухо и неприятный вкус. Он пошевелился, чтобы катящаяся по спине струйка пота не щекотала нервы. Было сильное напряжение и непонятно откуда появившееся — ведь раньше он не воевал — довольно странное, но приятное предвкушение боя...

«Как там Оля? — подумал Артем и представил ее лицо, глаза, чуть подернутые улыбкой губы.— Как она все это воспринимает? Женщина все же, хоть и два года уже в ополчении...»

Вот опять «запели». Конечно, опасаться следует только взрыва, однако сам звук летящей мины, ракеты, когда в течение нескольких секунд, затаив дыхание, слушаешь их «песню», сильно действуя на нервы, изматывает тебя... Но вот, наконец, наступает тишина, совсем не слышно птиц — вся живность давно исчезла с этой «территории»... Где-то далеко-далеко слышится артиллерийская стрельба, похожая на глухие раскаты грома. А вот в расположении их отряда застрочили автоматы, значит, настало время близкого боя, и тяжелого обстрела не будет.

Вдруг небо заволочло тучами, хотя до сих пор была легкая пасмурная дымка, и поднялся сильный, шквальный ветер, порывы которого буквально валили людей с ног. Деревья, которым и без того досталось от обстрелов, сильно прогибались, казалось, вот-вот переломятся. Артем не любил бури и грозы, так как однажды в детстве они с ребятами оказались в поле по пути из деревни домой, когда разразилась сильная гроза — молнии били в землю, казалось, рядом с ними — с ураганным ветром. Они сильно испугались, потому что никогда ничего подобного не видели. Этот детский испуг оставил след на всю жизнь... Вот и сейчас ветер дул очень сильно,— будто некий великан, сердясь на беспокойство, которое люди причинили ему своей стрельбой, пытался сдуть их с лица земли,— и им приходилось пригибаться книзу. Тем не менее, на небольшом участке неба, не закрытом тучами, Артем заметил почти совсем над горизонтом ярко-красное закатное солнце, и даже мгновение полюбовался им. Но сейчас было не до того. Под автоматным обстрелом они с напарником перебежками стали продвигаться от укрытия к укрытию, которые находили на местности. Однако против ветра это делать было очень тяжело, к тому же, чтобы что-то сказать, приходилось сильно кричать, будто между ними было не менее километра.

Вскоре, как-то сразу, замолчали автоматы и начали снова говорить наши пушки и минометы. Ополченцы передохнули и после хорошей артподготовки снова вышли из укрытия и под непрекращающимся ветром и полившим сильным дождем, стреляя и не обращая внимания на промокшую до нитки одежду, пошли вперед уже в полный рост. Подойдя к старому терминалу, они стали прицельно вести огонь по окнам, когда видели там лицо или силуэт. У Артема кончились патроны, и он под прикрытием огня напарника отбежал за полуразрушенную кирпичную кладку перезарядиться. После они продолжили огонь вдвоем.

Ветер и дождь также внезапно прекратились, как и начались. Подошли свои с ручными гранатометами и начали бить по окнам, так как противники спрятались от автоматных очередей и боялись высунуться. Гранатометы сделали свое дело, и ВСУ-шники стали выскакивать из здания и ввязываться в открытый бой. Ополченцы стреляли с колена или в полный рост, прикрываясь только своим огнем, а когда кончались патроны или гранаты, отбегали к ящикам с боезарядом. Вот подошел ополченец с гранатометом и из-за спин автоматчиков спокойно запустил гранату из ствола точно в окно, откуда еще велась стрельба. «Есть!» — радостно показал он известным движением кулака и предплечья. Парня по соседству ранило в плечо, он тут же, прихватив автомат, отбежал за укрытие, перетянул руку жгутом выше места ранения и

продолжил стрельбу. Артем и его напарник заняли позицию у угла бывшего небольшого здания и по очереди — один шел на перезарядку, другой палил — стреляли по засевшим «укропам». «Лови кошмар!» — еще раз выстрелив, сказал гранатометчик. Несколько гранат и зажигательный патрон удачно попали в цель и огонь оттуда временно прекратился, что позволило ополченцам вперебежку переместиться ближе, прячась за мертвую технику. Некоторые проникли в здание терминала и вели огонь там. Появился танк и стал на исходную позицию. Скорее для устрашения, ибо Артем с товарищами были уже в здании. Оттуда гулко раздавались хлопки выстрелов и очереди. Однако «выкурить» основные силы из здания не удалось, и бойцы вышли. Тогда прикатили пушку, и из нее, и из танка стали стрелять по терминалу. Артем видел, как тяжелый снаряд загонялся заряжающим в пушку, как ребята, затыкая уши, разбежались от нее, как один из них дергал за длинный шнур, слышал его крик: «Во имя народа! За русских! За свободу!», после чего следовал оглушительный залп, и в обстреливаемом здании терминала — вспышка, дым и брешь в стене. А что было там внутри — может быть трупы, разорванные в клочья тела, кровь людей — он не видел, и не хотелось думать, что там. Перед его глазами стояло лицо друга, Сергея, которого, может быть, вот так же разорвало, и фотографии, а теперь уж и не только они, бесчинств, пыток, казней и массовых захоронений замученных и расстрелянных людей. Но все равно было гадко на душе...

В подмогу пушке появился расчет с минометом. Один из ополченцев изучает здание старого терминала через бинокль, затем корректирует наведение на цель, и звучит возглас: «Подавай снаряд!» — который, естественно, находится на отдалении от миномета. И вот серебристо-зелено-белый снаряд входит в казенник, он закрывается. «Колпачок с взрывателя снял?» — кричит командир. «Снял! Готовы?» — «Да!» — раздается несколько голосов расчета. «Залп!» — и снаряд уходит к цели. Заряжающий железякой открывает горячий казенник и очищает его. Далее все повторяется, пока у цели не остается «признаков жизни».

Но «укры» снова появляются в окнах и продолжают обстрел ополченцев. «Сколько же их там?» — спрашивает себя Артем. Командование меняет тактику боя: приходят два танка, члены отряда надевают каски, вешают на пояс боеприпасы и с автоматами в руках садятся на броню. Отряд направляется к терминалу.

И тут Артему показалось, что он видит Ольгу — вдалеке вроде бы показалась ее фигура. Он хотел было соскочить с танка и броситься к ней обнять, поцеловать в сухие, потрескавшиеся на ветру губы, сказать пару слов и услышать в ответ ее голос — так душа истосковалась. Но сосед крепко ухватил его за руку: «Ты что, парень?!» И Артем затих, с тоской глядя вдали, где скрылась девичья фигура...

На подъезде к терминалу слышится команда: «По секторам смотрим! Круговая оборона!» После рекогносцировки на местности начинается стрельба из орудий танков, из пушек, а ополченцы стараются обойти старый терминал по периметру и подавлять огонь «укуров» из автоматов, целясь, одиночными выстрелами, сберегая патроны. Артем ведет прицельный огонь из-за укрытия. Слышится уханье орудий, глухие звуки взрывов, звон еще до того уцелевших стекол и падающих на бетон гильз, хлопки выстрелов автоматов...

Вот застрочил пулемет — это его друг, Дмитрий, приладилась тут неподалеку. Но вдруг он падает, хватаясь за плечо. «Что-то снайперское в плечо сработало, — крикнул он. — Мяса оттяпали чуть ли не с кулак. И прямо в прежде раненное плечо!..»

Новенький, из пополнения, которое получил их батальон, увидев кровь, побледнел. И Артем решил, что тот боится, так как при звуке летящих снарядов и взрывах, хотя они были теперь далеко, он нервно вздрагивал, то и дело почесывался и не мог стоять спокойно, а вертелся, будто заведенный. «Пришел, видимо, чис-

то на эмоциях, не готовый к такому... Интересно, можно ли будет положиться на него?» — подумал он...

Но когда неожиданно, почти над самой головой, послышался истошный визг, так похожий на звук сильно тормозящей машины, когда резко нажимают на тормоз, во рту у Артема самого пересохло и сердце начало часто биться. Он инстинктивно сжался в комок, и если бы мог, то втерся бы в грунт. Вдруг Артем услышал страшный взрыв, было такое ощущение, что взорвался сам его мозг. Земля содрогнулась и заходила ходуном. Он почувствовал, что над ним пролетели осколки и куски земли, а затем ударила взрывная волна. Перед Артемом явственно возникли лица матери и друзей и мгновенно, как в ускоренной прокрутке киноленты, пролетели в сознании эпизоды его недолгой жизни, причем в обратном порядке — с настоящего к раннему детству. Еще и еще были взрывы, и будто каждый раз кто-то подбрасывал его в воздух. Рядом раздался крик: «Не надо, не надо!» По голосу он узнал того новобранца. Обстрел так же неожиданно прекратился, как и начался, мины больше не взрывались, но Артем еще некоторое время лежал. Неподалеку кто-то упал лицом вниз. Раздался взрыв одинокой, видимо, запоздавшей за своими «подругами» мины. Наверное, тот, упавший, услышал ее полет раньше, чем осколок разворотил ему туловище. Когда все прекратилось окончательно, он подполз к погибшему. При виде растерзанного новобранца, а это был он, у Артема закружилась голова, и тошнота наполнила его. Весь день перед ним стояла эта картина, часто он ловил себя на мысли об этом пареньке, погибшем в первый же день боя, и он чувствовал душевное оцепенение.

Артем прекрасно осознавал, что может погибнуть, со смертью он уже свикся и не размышлял о том, что может случиться в следующую минуту. Но интуитивно тревога не оставляла его. Пока на его глазах не убили этого паренька, он понимал смерть как просто отъезд или уход человека куда-то. Теперь же, когда Артем сам *видел* убитого, разорванное тело его, он стал ощущать тайный страх, и тем сильнее, когда в ушах звучал голос новобранца, его слова...

«Оля, Оля, где ты, как ты? — мысленно обратился к ней Артем. — Здесь и мужику-то тяжело...». Перед ним предстало ее лицо, черные глаза искрились улыбкой, но взгляд их был тверд.

Это придало ему уверенности, ибо к тому времени многих ребят, с которыми успел сдружиться, потерял Артем в боях за терминал, как и не было их.

Пригупилась от этого боль от гибели Сергея, однако не забылась...

...И вот 30 ноября бойцы водрузили флаг ДНР над старым терминалом. Однако это был еще не конец. После месячного затишья, после двухдневных украинских обстрелов Донецка, силы ополченцев начали бои за новый терминал. Взвод Артема участвовал в уничтожении диспетчерской вышки. И бои шли до момента, когда украинские военные получили приказ об оставлении поселка Пески, из которого они прикрывали объект. Так 19 января Донецкий аэропорт был полностью освобожден.

А уже через три недели их батальон, занимая позиции в Угледорске, участвовал в дебальцевской операции. И вновь небо и земля сотрясались от залпов танковых пушек, тяжелой артиллерии и ракет. Но Артем уже гораздо спокойнее воспринимал их, тогда-то он понял, что это и есть «быть обстрелянным». Командование поставило перед ополченцами цель — во что бы то ни стало окружить плацдарм украинских военных, проще говоря, создать еще один «котел».

До того разделенный их батальон соединился, и он, наконец, встретился с Ольгой. Казалось, прошел, по меньшей мере, год с их последней и единственной близкой, отнюдь не короткой, встречи, хотя они не виделись всего полтора месяца. Они обнялись. Объятие вышло нежным и бережным с обеих сторон. И каждое слово их было

не просто словом, а будто кто-то бисером вышивал на полотне окружавшей их фронтовой повседневности прекрасную картину. И оба, не говоря о том, поняли, что, несмотря на расстояние, их мысленное общение, обостряющееся в экстремальных условиях, было обоюдным. Ольга глядела на него с той же искоркой во взгляде, но тепло и ласково. Как он глядел на нее, Артем не знал, однако чувствовал, что его всего окутала волна нежности. Они держались за руки и не хотели отпускать друг друга. Этот час затишья они были вместе...

Война не место и не время для любви, однако она случается и на войне. Но вот вновь раздается свист, гул и грохот — эти ставшие уже привычными звуки сражений, снова потери, много раненых, потому что украинские военные используют кассетные боеприпасы, которые приводят к массовому поражению людей. Они запрещены, но... Сами «укры» в ближний бой не идут, из автоматов почти не стреляют, бьют минами, кассетными снарядами и палят издалека из танков.

Артем ни за что не хотел отпускать Ольгу от себя и добился перевода ее в свой взвод. Им разрешили, и она с радостью восприняла это...

В нескольких сотнях метров от въезда в Угледорск на перекрестке стоял разбитый дом, с проваленными пролетами. Обычный трехэтажный кирпичный дом-старина, каких много в уездных городах всего бывшего Союза. В нем засела группа военнослужащих «укров», и велся огонь. Рядом с этим зданием — детский сад и школа, поэтому одной из целей противника было вызвать, при дальнем обстреле, попадание снарядов по детским учреждениям. Когда отряд приблизился, Артем увидел в окнах автоматчиков, а под крышей — гнезда пулеметов. Начался длительный бой: из минометов и танков равномерно обстреливали уровень за уровнем, а из автоматов, экономя патроны, стреляли только по явно видневшимся в окнах силуэтам. Этаж за этажом они заняли весь дом, часть бойцов противной стороны сдались в плен.

Когда перестали свистеть пули и «хлопать» минометы, Артем увидел, как этот дом похож на тот, где он родился и жил... И этот чудом уцелевший балкон напомнил ему: *вот он в детстве, опершись на такие же вот перила, смотрит в небо и мечтает стать героем, летчиком, космонавтом... а там беззвучно, оставляя за собой белый шлейф, летит сверхзвуковой самолет. «Когда я вырасту, буду строить самолеты...» — тут же меняет свое решение Артем. Учительница на уроках хвалит его за сообразительность, а мама говорит: «Да, ты будешь специалистом, но для этого нужно хорошо учиться и хорошо есть. Сбегай за хлебом и садись за уроки»...*

Немного передохнув, ополченцы двинулись в Угледорск. И первое, что услышали Артем с Ольгой, когда вошли в город, — плач женщины, у которой снарядом в одно мгновение был разрушен дом. Она стояла у плетня и, так как некому было больше пожаловаться, показывала проходившим мимо бойцам на огород: «Вот все мое достояние, сыночки, — копаю, сажаю, пропалываю и поливаю. Нам с детками, — она показала на троих белообрисых ребятишек, — миллионерами с этого не стать. А теперь вот и дома лишились... — рыдания прервали ее слова. — Это все из-за тех, кто хочет за наш счет стать миллионером!...» — выкрикнула она.

...Артем вспомнил, как он, шестнадцатилетний, с матерью ехал в другой город к родным умершего отца, чтобы попросить устроить его в их бизнес. Те были владельцами небольшой фабрики. Но с этим ничего не вышло — бедные родственники никому не нужны. Позже Артем понял — таким людям легче без оглядки эксплуатировать чужих... На обратном пути они с матерью решали, куда ему до армии пойти работать. Об окончании школы и речи не было, так как больная мать одна потя-

нуть их двоих не могла... «Мама, мама, как ты там?» — подумал он: вот уже как месяц нет писем от нее...

Затишье длилось недолго, начались бои, цель — добить остатки «укров», сидящих в Угледорске. Рядом с Артемом и Ольгой пару раз от взрывов высоко вверх вздымалась земля. В ответ, стреляя на ходу, вперед двинулись три танка. У одного из них,— видимо, часто стрелял,— раскалился ствол и вокруг него появились языки пламени. К месту боя ополченцы пошли цепочками вдоль двух сторон улицы рядом с ее проезжей частью. Подойдя ближе, сгруппировались и построились. После получения вводной, группой, подбадривая себя криками, побежали вперед. Их догнал танк, и они сели на его броню, тесно прижавшись друг к другу...

...Взяв Угледорск, ополченцы поставили на господствующие высоты артиллерию. Это уже было полдела. А пока готовились к дальнейшему, выяснилось, что когда военнослужащие ВСУ покидали эти места, то в балку, что под полуразрушенным мостом, они сбросили нескольких сотен тел своих погибших и техникой сравнивали с землей. Артема, узнавшего об этом, с одной стороны, объял гнев и омерзение к сотворившим такое нелюдям, а с другой, — охватило вдруг чувство горького сострадания к людям, которых они, ополченцы, здесь защищали — в такие моменты кажется, что ты понимаешь все беды их, все, чего им сейчас так остро не хватает.

После отряд участвовал в перерезывании перешейка... Лобовой атаки не планировали, шли по лугу — трава выше колен,— стреляя из автоматов. Остановились, увидев впереди горящее поле пшеницы, из-за которого «работали» минометы. Подъехал грузовик с легкой артиллерийской установкой в кузове и два танка. Пришло подкрепление и в живой силе — машины с ополченцами в кузовах. Заняли позицию в линию...

И вот Артем видит, как «укры» собираются как раз в том месте, куда направлен его автомат. Он облизывает сухие, потрескавшиеся губы, судорожно глотает скопившуюся слюну и поудобнее устраивается для стрельбы. Но команды все нет. «А жаль! Что они там заснули?» — думает о начальстве. Слышит: «Дзи-и-нь, дзи-и-нь» — это одна за одной пролетают над головой пули. Зажатая в руке граната кажется тяжелой и холодной. Артем, не дожидаясь приказа, бросает гранату вперед, быстро прячет голову и прикрывает ее руками. Ба-а-бах! «Я попал в них?» — спрашивает он у соседа. «Попал», — отвечает тот.

Небо стали покрывать грозовые тучи, солнце скрылось, может, погромыхивал гром, но его не было слышно из-за разрывов снарядов...

Затем при поддержке бронетехники пошли в атаку. У Дебальцево, определив наиболее уязвимые места в обороне противника, организовали несколько отвлекающих штурмов, что позволило ополченцам войти в город и начать его зачистку... И все. Дебальцево, наполовину оставленный жителями, постепенно, в течение недели, перешел под управление ДНР. По улицам бродило много собак, которые разрывали на куски трупы и растаскивали их. Видеть это было очень неприятно. Когда Оля увидела собаку с человеческой рукой в пасти, ее вырвало. «Да, привыкнуть к такому, хоть годы будь на войне, видимо, невозможно», — с тяжелым чувством подумал Артем.

...А 11—12 февраля в результате новых Минских договоренностей успешное и многообещающее наступление войск ополченцев было неожиданно остановлено, и обе стороны должны были 15 февраля отвести тяжелое вооружение с линии соприкосновения...

В конце месяца Артема и Ольгу отпустили в отпуск. Эти две недели были для них поистине медовыми. Они поехали в глубинку Донбасса, в шахтерский городок Снежное — родину Оли, — состоящий из множества сросшихся поселков, живописно разбросанных по высоким и крутым холмам. Заросли деревьев и участки степи тут чередуются с кварталами жилых домов, а вокруг — терриконы и копры шахт (они, наряду с шестеренкой — символом предприятий, изображены на гербе города). В 1990-х стали считать, что добывать уголь невыгодно, и как закрыли множество шахт в Донбассе, так почти все и в Снежном. Позже, в 2000-х, опомнившись, власть имущие — так как уголь все же нужен — многие шахты в городе открыли снова, но уже, конечно, как частные. Как там *руководят*, это уже предмет другого повествования. А крупнейшая, с двумя тысячами работников в прошлом, шахта «Снежнянская» — многие старожилы, как прежде, называют ее № 10 — так и осталась закрытой. Она находится почти в центральной части Снежного. Сейчас территория постепенно разрушается и временем, и людьми, а халатность чиновников привела к ее затоплению. Вокруг города много нелегальных шахт-самокопок. Несколько предприятий в Снежном закрыты, — хотя крупные предприятия, как Химмаш и Мотор Сич, работают. И все же часто жители, бросив свои дома и квартиры, уезжают. В домах повсеместно лифты либо разграблены, либо законсервированы и заложены кирпичной кладкой.

Погода была неважной — хоть ночью был легонький морозец, но днем стояла ростепель в +1—4 °С, когда солнечные дни чередовались дождливыми и с мокрым снегом, — и было довольно уныло. Однако после боевых действий и такой климат воспринимался как райский.

Но погода интересовала молодых людей постольку поскольку. Оказавшись в мирной обстановке, Артем и Ольга со всей пылкостью давно сдерживаемых чувств предались любви. Этим вечером мать Оли ушла на дежурство в котельную, и они остались одни. В комнате, которая сохранялась такой же, какой была до отъезда девушки в ополчение, царил полумрак. Они не включали даже бра, так как оба чувствовали, что сегодняшним вечером произойдет нечто, не требующее освещения. Оля включила музыку, и она наполнила собой все пространство не только комнаты, но и их душ. Артем обнял Олю и стал целовать ее в голову, лицо, шею, и ни один поцелуй не был похож на предыдущий. Они не заметили, как освободились от уз одежды, и их обнаженные обнимающиеся тела были теперь чем-то большим единым, выходящим за пределы окружающего их и, в то же время, безраздельно сливающимся с ним. Их движения были танцем — плавным и одновременно хранящим в себе большую, неизрасходованную потенцию движения откровенных, безраздельно доверяющих друг другу людей. Артем целовал свою любимую без конца, и его губы никогда не попадали в одно и то же место. Он чувствовал, что Оля все более и более сливается с ним, и от этого мужественность возрастала в нем.

— А ты настоящий любовник, — прошептала девушка.

В ответ Артем сладостно и долго поцеловал ее. Это был не тривиальный секс, а высшая форма общения, интимный разговор двух людей, которых Бог сотворил мужчиной и женщиной. И они общались, потеряв счет времени, восполняя недостаток любви в своей молодой жизни, оказавшейся в объятиях жестокого времени. Музыка давно смолкла, но в душах их зазвучала иная музыка, напоминающая молитву, и эта все возвышающаяся и возвышающаяся молитва, наконец, завершилась единым выдохом любви, которая слилась с великой Любовью, наполняющей Вселенную.

Они еще долго общались, лаская и обнимая друг друга, словно пытаясь навсегда сохранить то божественное, что открылось им.

И вот сон обнял их...

...Они с Ольгой стоят у высокой и длинной стены, вокруг ребята из их отряда и, странно, мирные жители: женщины с детьми, старики... По ним стреляют, и не уйти, потому что выстрелы раздаются не только спереди, но и слева и справа. Стрелков не видно. Кто-то из стоящих у стены падает замертво, кто-то ранен, но в основном пули пролетают рядом с головой, рядом с рукой или ногой, и люди стараются увернуться от них. словно цель стреляющих — подольше поиздеваться над людьми, прежде чем убить их. Артем оглядывается на стену: в ней много отверстий, но... все они малы, не пролезть, только руку можно просунуть. И вот, как бы в ответ на его мысль, невидимые руки из-за стены просовывают пакетики с продуктами, медикаментами и санитарными принадлежностями. Люди поспешно хватают их, ибо очень хочется есть, и многие ранены и истекают кровью... И никуда не уйти... И перспектива: рано или поздно — смерть...

...Долго ли они спали, Артем не знал. Проснулся он в холодном поту, когда Оля потрясла его за плечо и тревожно спросила:

— Что с тобой, милый?

Артем, молча, встал и подошел к окну. За ним была уже глубокая ночь. Звезд было мало на небе, и черными тенями стояли дома. Он открыл форточку, и в комнату сразу же потянуло острым весенним воздухом.

— Послезавтра уже март,— проговорил Артем.

— Да, весна... Тебе что-то приснилось?

— Ты знаешь, Оля, я решил остаться здесь, на Донбассе, и биться до конца, до победного конца,— поправился он.

— А как же твой город, друзья, родные? Ты мне столько рассказывал о них.

— Мой город там, где беды русских людей,— чуть помолчав, сказал Артем и обнял Олю.— А главные мои друзья и родные теперь — это ты и наши будущие дети.

И как бы в ответ на его слова, из-за облака выглянула яркая звезда. Ольга и Артем, обнявшись, долго смотрели на нее. Это был Юпитер — планета успеха и оптимизма.

